

Сергей  
**Зверев**



*Любовь*  
**ЖИГАНА**



ЭКСМО

**Сергей Иванович Зверев**  
**Любовь Жигана**  
Серия «Жиган», книга 10

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=170885](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170885)*  
*Любовь Жигана: Эксмо; М.; 2003*  
*ISBN 5-699-03706-3*

**Аннотация**

За Жиганом идут по пятам. И бандиты, которым он перешел дорогу. И майор ФСБ, который давно точит на него зуб. Все охотятся за ним. И тогда он решает сделать пластическую операцию, чтобы навсегда изменить свою внешность. А заодно и имя. Но все в этом мире непредсказуемо. Ведь любимая девушка Жигана знает, кто он такой. А значит, это могут узнать и его кровные враги и бандиты, и менты...

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	41
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

# Сергей Зверев

## Любовь Жигана

### Глава 1

Сквозь высокие витринные стекла Сержу было видно, как Долли подходит к его стоящей у бордюра «девятке» и берет-ся за ручку дверцы.

«Сучка, – раздраженно подумал он, провожая ее глазами, – злая, продажная сучка...»

Долли еще раз помахала ему рукой и села на место водителя.

Звука захлопывающейся дверцы Серж не услышал. Вместо него раздался грохот взрыва. Машина подпрыгнула, и вместе с языками пламени в разные стороны полетели дверки, крылья, капот, осколки стекол...

Правая задняя дверка «Жигулей» плашмя ударила по стеклам окна и влетела в салон. Сержа сначала обдало дождем осколков – он едва успел закрыться рукой, а затем ударило ребром дверки в плечо и голову.

Он отлетел в угол зала и с удивлением отметил, что еще жив. И сразу же подумал, что с салоном «Фаворитка» у него ничего не выйдет... Придется придумывать что-нибудь другое.

Боли не было, но в голове сильно и ровно звенело, и этот звон заглушал все остальные звуки. Серж попробовал приподняться и обнаружил, что левая рука его не слушается. Звон в голове слегка утих, и сквозь него начал пробиваться ужасный душераздирающий женский крик. Женщина на асфальте под окном салона кричала так, словно ее живьем резали на части ручной пилой.

«Долли? – подумал Серж. – Разве она может так кричать?»

Кое-как оттолкнув придавившую его искореженную дверку своей «девятки», Серж с трудом поднялся на ноги. Они дрожали.

Левая рука, слава богу, оказалась цела, хотя и сильно начала болеть, как только он встал с пола. Клиентка, сидящая в рабочем кресле, смотрела на него совершенно круглыми глазами. Губы ее тряслись, говорить не могла и только тихо подвывала от страха.

Хрустя осколками витринного стекла и стенных зеркал, Серж пробрался к окну и выглянул наружу. Асфальт под окном был залит кровью, которая растекалась лужей – все шире и шире.

В луже лежала женщина, чей крик слышал Серж. В животе у нее торчал длинный и острый осколок оконного стекла, он покачивался в тот момент, когда женщина переводила дыхание для нового крика.

Нога чуть выше колена была оторвана, из нее торчали бе-

лые осколки кости и текла на асфальт темная кровь. Лицо женщины исказила гримаса боли и крика. Оторванная взрывом нога валялась метрах в пяти – тоже в небольшой лужице крови.

Минуту он всматривался в лицо женщины, лежащей под окном.

Оно не было ему знакомо... Нет, это не Долли. Не повезло женщине, проходившей мимо по Большой Полянке. Впрочем, Долли повезло немногим больше. Ее просто разорвало взрывом на мелкие кусочки. Но хотя бы не мучалась долго и не кричала так, как эта... Долли, наверное, не успела даже понять, что произошло.

Серж снова взглянул на изуродованную взрывом женщину. Ее крик начал слабеть, и она перестала приподнимать голову – в надежде рассмотреть, что же случилось с ее ногой. Наконец она замолчала, несколько раз судорожно дернулась и затихла навсегда.

«Долли, куколка... Прощай!» – подумал Серж, глядя на лицо незнакомой ему женщины, но прощался он именно со своей Долли.

Звон в ушах несколько поутих, хотя в голове все еще гудело, ровно и настойчиво. Серж никак не мог понять, что Долли теперь не существует, хотя и отдавал себе отчет, что она умерла.

Но ведь это в его машину была заложена мина... Сволочи! Неплохая тачка была, новая, Серж на ней всего несколько

месяцев и успел поездить... Жалко машину. И Долли – тоже жалко.

Серж тут же отвлекся от мыслей о машине.

Кому понадобилось убивать Долли?

Никто не мог знать заранее, что сегодня она к нему явится и что он даст ей до вечера свою «девятку». Впрочем, Долли заявлялась к нему практически каждый день, и в этом не было ничего необычного. Но машину она просила крайне редко.

Выходит, убить хотели именно его, Сержа? И не дай он Долли машину, именно его, Сержа, тело было бы разбросано вечером мелкими фрагментами по кругу диаметром метров в тридцать? Долли просто спасла ему жизнь. Может быть, этим она расплатилась наконец с ним за услугу, которую он ей когда-то оказал.

«Какая странная судьба у этого необычного существа...» – подумал Серж о Долли. Всего час назад она примчалась к нему, как обычно, в слезах, с отвратительными синяками под глазами и опухшими от недавних бурных слез веками...

– Ты испортишь мне всю работу! – закричал он на Долли, когда уже заканчивал ей делать реабилитацию кожи лица, а на ее глазах в очередной раз показались слезы, и губы вновь задрожали. – Прекрати плакать. Сейчас же! Иначе эти отвратительные опухоли под глазами так и не исчезнут... Я только что обработал кожу фирменным составом, а ты вновь

травишь ее слезами...

Серж, или, точнее, Сергей Ефремов, которого в косметическом салоне «Фаворитка» называли просто Серж, весь этот час проработал с лицом Долли – Долли Шлягер, своей постоянной клиентки, – и был действительно озабочен тем, что его труд пропадет даром. Долли-куколка была его особой клиенткой.

Он вновь и вновь убирал тампонами скапливающуюся в уголках глаз насыщенную солями жидкость и раздражался, злился на Долли. С ней произошла очередная «трагедия», и она, как всегда, сразу помчалась к Сержу – спасти лицо.

Серж без всякой очереди усадил Долли – куколку в резервное кресло и принялся убирать припухлости у нее под глазами.

А она время от времени принималась плакать, сводя на нет его работу.

– Долли, малышка, – уговаривал ее Серж, – ну, посмотри в зеркало. Ты же очаровательная куколка. У тебя прелестное лицо. А ты сейчас просто издеваешься над этой прелестью! Да и что случилось – то? Тебя бросил этот пожиратель бифштексов с кровью, у которого, кроме вечно стоящего члена, нет ничего – ни большого ума, ни больших денег, ни большого вкуса? Он же просто слеп и ничего не понимает в женщинах. Знаешь, куколка, он из той породы мужчин, которым не нужна женщина. Я не говорю про твою душу, малышка, но ему не нужно и твое прекрасное тело! Это просто живот-

ное, поверь мне!

Серж наклонился и зашептал ей на ухо, чтобы не слышала сидящая во втором кресле и порядком измаявшаяся клиентка.

– ...Ему нужно от тебя только то, что находится между твоих прекрасных ног, только чехол для его негнущейся милицейской дубинки...

– Но, Серж, – отозвалась Долли измученным капризным голосом, – я же так любила его! Если бы в нем ничего абсолютно не было, я бы сейчас смеялась, а не плакала...

– Девочка моя! – рассмеялся Серж. – Да ты же часами плачешь по любому, самому ничтожному пустяку. Уж мне ли не знать это – я больше года слежу за твоим лицом. Что же мне – бросить все и заниматься только тобой? Ты этого хочешь?

– Хочу, – улыбнулась Долли, мгновенно перестав плакать, и игриво посмотрела на Сержа. – А это в самом деле возможно?

– Но тогда нам придется жить вместе, потому что плачешь ты каждую минуту. И я, Долли, буду тебя трахать, иначе про нас начнут распускать сплетни, что мы с тобой бесполые существа...

– Серж! А ты меня хочешь? – улыбка на ее лице сменилась выражением многозначной и неопределенной серьезности, одновременно подталкивающим мужчину вперед и вместе с тем заставляющим его опасаться снисходительного щелчка

по носу.

Серж осторожно, но уверенно взял красавицу Долли за подбородок и слегка приподнял ее лицо, чтобы лучше видеть глаза.

– А разве может быть иначе, прелесть моя? – ответил он, продолжая улыбаться, но глядя ей в глаза серьезным, проникающим взглядом, твердым и настойчивым, как желание настоящего мужчины. – Ты же знаешь, дорогая, как я люблю женщин...

У Долли появилось какое-то безвольное ощущение неизбежности, словно Серж уже раздел ее и улегся сверху, раздвигая ей ноги.

Она разозлилась и дернула подбородком, освобождаясь от его руки.

– Слазь, – резко сказала она и встала, роняя влажные тампоны, которые Серж нанес на веки вокруг глаз, – я по пятницам не подаю...

Бросив на его рабочий столик мятую банкноту в пятьдесят долларов, Долли с независимым видом прошла к выходу, изящными движениями уверенно-профессионально подчеркивая идеально стройную форму своих бедер. У двери она через плечо оглянулась на Сержа.

– Ну если уж немоготу – поехали, – она послала ему очаровательную ироничную улыбку. – Цены мои ты знаешь...

– Работа, куколка, работа... – развел руками Серж. – Не могу.

– Хочу, но не могу, – засмеялась Долли. – Судьба импотента! Тогда хотя бы дай мне до вечера твою машину, импотент. К семи верну. Может быть, твое желание не успеет остыть...

Серж достал из кармана ключи от машины, позвенел ими и бросил Долли. Та поймала их изящным ловким движением.

– Спасибо, маэстро, – сказала ему Долли из дверей. – Я с тобой не прощаюсь. Может быть, сегодня вечером у нас что-то и получится...

Сквозь высокие витринные стекла Сержу было видно, как Долли подходит к его стоящей у бордюра «девятке» и берется за ручку дверцы.

«Сучка, – подумал он, провожая ее глазами, – злая, продажная сучка...»

Как только Долли захлопнула дверцу, машина взорвалась...

«Да, – твердо решил Серж, – эта бомба явно была приготовлена не для нее, а для меня... Вот только кто это такой заботливый?»

У Сержа были кое-какие подозрения на этот счет, и не только подозрения. У него был практически точный ответ на этот вопрос. Только один человек мог заказать его убийство.

«Шиндлер, сволочь... – подумал Серж. – Разнюхал уже...»

В том, что мину в его машину подложил ордынец Саша

Шиндлер, у Сержа сомнений не было. Больше некому было желать его смерти.

Не было у Сержа и сожаления о том, что Долли исчезла наконец из его жизни. Окончательно осознав этот факт, Серж даже вздохнул с облегчением. Он давно бы уже с удовольствием послал эту слезливую дуру к чертям собачьим, но она переживала пик своей популярности, за что, собственно, ее и прозвали Долли Шлягер, и пользовалась авторитетом среди замоскворецких проституток, особенно в вопросах поддержания формы.

Форму ее поддерживал Серж, который следил за состоянием не только ее лица, но и рук, шеи, груди, бедер, ягодиц, словом – за ее телом. А она, кроме того, что платила пятьдесят долларов за любой визит, хоть бы только для того, чтобы Серж сопли ей вытер, как, например, сегодня, еще и находила ему клиенток среди своих замоскворецких коллег-конкуренток.

Именно благодаря ей Серж стал за последние полгода очень популярен среди проституток Парка Культуры, Крымского вала и Большой Полянки. Потому что все помнили, какой Долли была дурнушкой всего год назад, когда с трудом находила за день хотя бы одного клиента, и просто не отставали от нее, допытываясь, что она сделала со своим лицом, которое поражало теперь какой-то удивительной правильностью и выверенностью черт.

А когда узнавали, что это работа мастера-косметолога из

«Фаворитки» Сержа, бежали к нему, торопились записываться в очередь.

Заработки Сержа подскочили – за день он успевал принимать по пять-восемь разновозрастных красавиц и уставал, как ломовая лошадь. С Долли у них был негласный договор: она создает ему репутацию, а он принимает ее в любое время, хоть три раза в день, и берет с нее не больше пятидесяти долларов.

Долли пользовалась его услугами напропалую, в редкие дни не побывав у него дважды. Она прекрасно понимала, что вся ее популярность стала возможной только благодаря мастерству Сержа. И что только благодаря ему она сохраняет свою превосходную форму изо дня в день и уже перебралась из Парка Культуры в Третьяковку – теперь учит английский, чтобы повысить коммерческую эффективность своего общения с иностранцами.

Серж держался за нее еще и потому, что она была его первым, по сути, произведением, созданным из женского тела, над которым господь бог потрудились спустя рукава. Он хотя и неплохо задумал, но заскучал, видно, на полдороге, кое-как долепил до конца, вдохнул душу и пустил на белый свет – страдать, глядя в зеркало, осознавая скрытые, но не проявившиеся возможности, намеки на красоту. Впрочем, для того чтобы страдать, надо как минимум понимать: что ты могла бы иметь, если бы тебе повезло чуть-чуть больше, какой ты могла бы быть.

Серж долгими вечерами бродил по Парку Культуры и приглядывался к проституткам, искал именно такой потенциальный, скрытый материал, пока не наткнулся на Долли. Это, как ему казалось, он и искал. Искал в полной уверенности, что рано или поздно он ее найдет. Так оно и вышло, причем даже раньше, чем могло быть. Просто Серж точно знал, что ему нужно.

Ее, собственно, тогда звали не Долли, а Валька-Вакансия, потому что она всегда была свободна. Серж наметанным взглядом выхватил ее из круга таких же полупьяных неудачниц, увел в свою маленькую квартирку на Малой Полянке и часа два разглядывал ее лицо. Он увидел в нем тот самый проект, что был задуман богом при ее создании, но не доведен до конца. И предложил ей сделать коррекцию внешности.

Валька-Вакансия обалдела от такого предложения и замахала руками, представляя его со скальпелем в руке, кромсающим ее лицо и перекладывающим куски кожи с одного места на другое.

Смешно вспоминать, но сначала она вообще заподозрила, что он маньяк, и чуть не удрала через окно. По крайней мере, попыталась. Но второй этаж и невеселая перспектива сломать себе ногу ее остановили и заставили слушать Сержа внимательнее...

Серж долго и терпеливо объяснял туповатой Валентине, что никакого моря крови не будет, что крови вообще не бу-

дет, что он только чуть-чуть изменит ее внешность: слегка сузит разрез глаз, чуть приподнимет кверху нос, чуть полнее и чувственнее сделает губы, ну и подтянет немного обвисшую кожу на щеках и под глазами. Не будет никаких шрамов на лице, вообще не будет заметно абсолютно никаких следов его вмешательства.

Валентина немного успокоилась и попросила нарисовать, какой она станет.

Серж нарисовал и попытался объяснить ей, что она и сейчас такая, просто черты того лица, которое у нее должно или могло бы быть, скрыты, спрятаны, и он только найдет и откроет их, даст им проявиться. Как на фотографии.

Валентина долго рассматривала рисунок, потом посмотрела на себя в зеркало и заплакала. Серж принялся ее утешать, говоря, что у него все обязательно получится, что он сделал уже десятки таких операций, хотя на самом-то деле эта должна была стать первой. Но Валентина только кивала головой и плакала.

Если б только он мог предположить, что она такая плакса, лучше бы он отказался с ней работать и нашел какую-нибудь другую девицу...

Потом она спросила, сколько стоит такая операция? Он честно ответил: средние расценки – от тридцати тысяч долларов.

Валентина перестала плакать и засобиравлась, сообщив, что она согласна, но только через год – сейчас у нее нет таких

денег, вот она за год заработает и придет к нему. Серж объяснил ей, что будет работать бесплатно, а она должна только оплатить некоторые препараты и материалы, необходимые для операции. Все это выльется в сумму порядка двух-трех тысяч долларов...

Тогда Валька сказала, что заплатит ему десять тысяч, раздалась и прямо-таки заставила его столь же тщательно рассмотреть ее тело. Серж подробно изучил ее груди, бедра, живот, ноги и руки и заявил, что с ее телом работы будет даже меньше, чем он предполагал. Серж сразу же назначил ей день операции.

Когда обалдевшая от закиси азота, которой Серж ее основательно напичкал, чтобы она не мешала ему своим ойканием и не морщилась в самые неподходящие моменты, Валька-Вакансия посмотрела в зеркало на свое новое лицо, она глуповато, но обворожительно улыбнулась заманчиво-чувственными губами своему отражению и, плохо понимая, что говорит, пробормотала:

– Куколка ты моя...

Серж тут же прозвал ее Долли, а уж прозвище Шлягер ей дали раздраженные неожиданным ее успехом завистливые неудачницы, ряды которых она с триумфом покинула. За полгода преображенная Сержем Долли завоевала замоскворецкий рынок «ночных услуг» и несколько подзабыла услугу, оказанную ей Сержем.

Долли уже казалось, что она всегда была такой. И она на-

чала все чаще хамить.

Иногда ей удавалось довести Сержа до столь сильного раздражения, что он готов был стереть ее в порошок. Но он продолжал терпеть ее хамство, прекрасно понимая, что Долли – его живая реклама. Что именно благодаря ей клиентура расширилась настолько, что он мог чувствовать себя независимым от хозяина «Фаворитки» Саша Шиндлера, выбившегося из ордынской шпаны в коммерсанты. Впрочем, это была только иллюзия независимости. Настоящей независимости Шиндлер не давал никогда и никому.

Шиндлер был у ордынцев «легалом», оборачивающим их общаковый капитал. Он управлял открытыми на их деньги магазинами и магазинчиками, небольшими ресторанчиками и забегаловками, парикмахерскими и видеосалонами, автостоянками и автозаправками, парой нотариальных контор, несколькими саунами и другими подобными предприятиями, в том числе и косметическим салоном «Фаворитка». Подмять под себя настоящий «крупняк», типа современной дорогой гостиницы или хотя бы большого универсама, у ордынцев силенок пока явно не хватало.

Серж пошел работать директором в «Фаворитку», рассчитывая сделать себе имя. И далеко не сразу ему удалось понять, что в «Фаворитке» можно только набить руку, сделать же имя ему не позволит хозяин. Работать на Сашу-ордынца он мог и хуже, и лучше, но результат его работы, его талант и мастерство принадлежали не ему лично, а «Фаворитке».

Это ее популярность и заработки ордынского хозяина «Фаворитки» повышал Серж Ефремов своими успехами среди клиентуры, а не свои.

Его мастерство Шиндлер сделал своей собственностью и уступать Сержу право распоряжаться своим умением и, в конечном итоге, жизнью не собирался. Легко, без сожаления и, уж конечно, без всяких взрывов Шиндлер расставался только с бездарностями, не умеющими зарабатывать для него деньги.

Людей талантливых, способных увеличивать его, Шиндлера, доходы, повышать рейтинг заведения и его популярность у клиентуры, он держал на очень коротком поводке, внимательно следил за их настроением, за их контактами с конкурентами, за их планами.

И пресекал любые попытки предательства и перебежек с их стороны.

Попав в «Фаворитку», Серж слишком поздно понял, что может всю жизнь горбатиться на Шиндлера, а независимость так никогда и не приобретет. Он стал чем-то вроде крепостного человека, жизнь которого целиком зависит от воли его хозяина.

Но Серж смириться с этим не захотел, да и не смог бы, если бы даже и желал подчиниться. Он решил уйти, чего бы это ему ни стоило. Фактически у него просто не было другого выхода. Жить «под Шиндлером» Серж Ефремов не смог бы, это он понимал хорошо. Все это закончилось бы слишком

скоро. Причем закончилось бы одновременно с его жизнью.

Серж хорошо представлял себе, какой должна быть его жизнь, – наверное, потому и не мог согласиться на то, чтобы ему кто-то ставил ограничительные рамки. Степень своей свободы Серж Ефремов привык определять всегда только самостоятельно.

Мало того, Серж и сам претендовал на то, чтобы управлять чужими судьбами. Он очень хорошо понимал, какое значение в жизни любого человека имеет его лицо, его имидж, его внешний облик.

От того, что человек ежедневно видит в зеркале, зависит не только его настроение, но и вера в собственные силы, а это значит – активность, энергия, настойчивость в стремлении к своим целям.

Прежде всего это касается женщин. Лицо женщины – это ее жизнь. Женщина, на лице которой написаны все ее жизненные проблемы, ее взаимоотношения с мужчинами, которые ею пренебрегают или унижают ее, отсутствие денег, собственная неуверенность, – это типичная неудачница. Лицо должно быть красиво, но не красноречиво. Оно должно немного лгать, и прежде всего лгать самой женщине, когда она смотрит в зеркало.

А о мужчинах и говорить нечего! Лгать мужчинам лицо женщины должно в первую очередь. Если мужчина читает по лицу женщины все ее тайны, как по открытой книге, она никогда и ничего не добьется в своей жизни. Нет, женщина

ни в коем случае не должна быть откровенной с мужчинами. Да и с себе подобными – тоже.

А еще Серж Ефремов слишком хорошо знал, каким должно быть настоящее женское лицо, вернее – лицо настоящей современной женщины.

Знал прежде всего потому, что женщин любил и совсем не боялся их, в отличие от большинства современных российских, а может быть, и не только российских, мужчин... А это, считал он, два самых важных компонента в отношении настоящего мужчины к женщинам, сколько их есть на свете. И дело вовсе не в рельефных стальных мускулах или невероятной сексуальной выносливости – это все бред для юнцов. Все дело в психологической устойчивости, которая другими словами называется уверенностью в себе. Не самоуверенностью, а именно уверенностью в себе.

Поэтому Серж Ефремов и стал мастером именно в той профессии, для которой женщина – всего лишь материал для творчества.

## Глава 2

На решение своей проблемы Константин Панфилов наткнулся, можно сказать, случайно. У него уже голова пухла от вопроса, как ему жить дальше? В главном он этот вопрос для себя решил.

Все! С него хватит! Хватит быть Жиганом, пытавшимся сломать хребет окружающей его подлой жизни. В результате он едва не сломал себе шею. Достаточно он боролся за лидерство в этой жизни, приобретая авторитет и деньги и теряя одного за другим друзей и близких. Больше его ни деньги, ни авторитет не интересуют.

Он не мессия, в конце концов, чтобы нести спасение всем живущим в этой стране, перекраивая ее на свой лад. Ее перекраивали по разным меркам уже столько раз, что на ней, бедолаге, наверное, живого места уже не осталось.

Конечно, он – не легендарный Робин Гуд, призванный освободить народ страны от бедствий и неудач. Он не хочет больше никаких подвигов, которые совершаются неизвестно ради чего, вернее – ради самих подвигов. Потому что они никому не нужны.

Он хочет жить, как живут миллионы людей вокруг него. Он хочет просто жить и чувствовать себя человеком, который живет, а не сражается с установленными в этой стране законами и традициями. Он не Дон-Кихот, чтобы воевать с

ветряными мельницами.

И так он многим, слишком многим в своей жизни пожертвовал ради каких-то романтических призраков, выросших из «понятий», которые и выдумал-то не он, просто они въелись давно в его жизнь, как соль въедается в руки моряков.

Он хочет выйти из игры, в которую оказался втянутым еще тогда, когда не совсем понимал, что с ним происходит, и отвечал на удар ударом. Тогда он просто не знал других способов отвечать. Не знал, что на удары можно вообще не отвечать и не чувствовать себя при этом униженным. Это открытие Константин сделал совсем недавно.

Хватит! Никаких ударов никакой судьбы он больше не хочет! И браться за оружие, чтобы сразить ее и заставить подчиниться себе, Константин Панфилов больше не намерен.

Но, чтобы получить право на это, ему придется решить еще одну проблему. Его внешность слишком хорошо известна его врагам и не менее популярна, чем какая-нибудь эстрадная поп-звезда. В том и проблема, что враги знают его в лицо.

И врагов у него слишком много, чтобы можно было предположить, что они когда –нибудь забудут о Константине Панфилове.

Однажды он пробовал менять имя. Купил новый паспорт и думал, что Костя Панфилов навсегда остался в прошлом.

И ошибся. Прошлое догнало его и заставило вновь ввя-

заться в драку.

В голове его бродила странная мысль, которую он никак не мог отчетливо сформулировать. Он был уверен, что Костя Панфилов должен опять исчезнуть, и на этот раз – насовсем, безо всяких следов.

Конечно, он даже и подумать не мог о самоубийстве, тут нужно было что-то другое...

Константин уже месяц жил в Серебряном Бору, практически не выходя на улицу из старого одноэтажного дома, стоящего на отшибе, который он снял, не торгуясь, у выехавшего в Норвегию на заработки сумрачного мужчины с тяжелым взглядом и большими натруженными, привыкшими к физической работе, руками.

Кажется, он был бурильщиком и завербовался на морскую буровую платформу в Северном море. Константина это очень устраивало, потому что квартиру в этом доме он снял на год и заплатил вперед, благо денег у него оставалось еще достаточно.

Подумав о миллионе долларов, который заплатила им с Сашкой Макеевым вдова миллионера за то, что они помогли ей получить наследство погибшего мужа, Константин вспомнил Макеева, случайно встретившегося ему человека, который совсем не случайно стал его другом и погиб, спасая его, Константина. Смерть Макеева – одна из душевных ран, от которых страдал Константин больше всего.

«Эх, Сашка, – подумал он с болью. – Не смог я тебя убедить, прости! Ни с кем я не чувствовал себя так надежно, как с тобой...»

Константин с трудом заставил себя не думать о том, что потерял совсем недавно еще одного своего друга, и вновь уткнулся в газеты, которых он накопил целый ворох еще недели две назад и разрешал себе читать не больше одной в день, но прочитывал от строчки до строчки.

Это было для него своего рода отдыхом от размышлений о своей жизни.

И вдруг Панфилов с недоумением уставился на небольшую заметку, которую прочитал, наверное, уже раза три. Только теперь до него дошло, что именно в этой маленькой заметке и содержится решение его проблемы.

«Московский репортер» сообщал, что на Большой Никитской после реконструкции вновь открылся салон «Harry Body». Всякую ерунду о корректировке фигуры, тонировании, мелировании и колорировании Константин пропустил. Его взгляд уперся в последнюю фразу этой небольшой рекламной заметки в газете.

«Вам не нравится ваше лицо? Приходите к нам в „Harry Body“, из вас сделают другого человека – такого, какого вы захотите».

Это было именно то, что ему нужно! Ему необходимо было сменить лицо!

С этого момента начался путь Константина Панфилова

навстречу человеку, который поможет ему выиграть на этот раз у судьбы. Это Серж Ефремов, о существовании которого Константин еще даже не подозревал.

Просто он был уверен, что такой человек должен существовать.

...Первыми на место взрыва прибыли четыре машины «Скорой помощи». Женщина с оторванной ногой к тому времени уже была мертва. Ее труп погрузили в одну из машин и быстро увезли.

В разных местах медики находили фрагменты еще одного трупа, разбросанные на довольно значительной площади. Их тоже грузили в машину.

Очевидно, это была Долли.

Больше пострадавших не обнаружили, если не считать клиентку, сидевшую у Сержа в рабочем кресле, и самого Сержа, которые отделались легко.

Клиентку никак не могли вывести из состояния психического шока и на «Скорой помощи» увезли в институт имени Сербского.

У Сержа осмотрели руку, сказали, что ничего серьезного нет, ушиб средней тяжести, а с головой вообще все в порядке – легкая псевдоконтузия. Рекомендовали полчаса полежать спокойно – звон пройдет окончательно. Неплохо – холодный компресс.

И укатили почти все. Осталась всего одна машина – ждать,

когда подъедет милиция.

Милиция прибыла минут через пять после того, как разъехались «Скорые». На трех машинах: в одной – опергруппа из райотдела, в двух других – группа экспертов из ФСБ в сопровождении капитана Сазонова, не одну свору собак съевшего на борьбе с организованной преступностью. Поговаривали, что за двадцать лет работы он переловил в Москве столько народа, что если всех его «крестников» выстроить в колонну в затылок друг другу, то как раз хватило бы на Садовое кольцо. Правда, не по осевой линии, а по внутреннему тротуару, тому, что ближе к центру, к Кремлю. Он все же чуть покороче. Человек на триста...

В Сержа сразу вцепились двое и принялись по секундам восстанавливать последовательность событий. Когда пришла Долли, одна или нет, выходила или нет? Сам он, Серж, выходил или нет, кто еще выходил из салона за этот час? Как долго стояла машина под окном «Фаворитки», когда он последний раз проходил техосмотр? Не подходил ли за последний час к машине кто-то посторонний, когда произошел взрыв, – до того, как Долли включила зажигание, или после? Кто находился на улице рядом с машиной во время взрыва, терял ли Серж сознание после взрыва?

И еще на тысячу самых разных, но бессмысленных, с точки зрения Сержа, вопросов ответил он за пятнадцать-двадцать минут, пока оперативники его терзали.

Он рассказал так, как оно и было на самом деле – все, что

видел и что слышал, умолчав только о сути отношений, которые связывали его и Долли. Об этом милиции знать было совершенно не обязательно.

Об этом вообще пока лучше никому не знать. Никому, кроме клиенток, среди которых Долли сделала ему отличную рекламу одним своим видом, своей вызывающей зависть внешностью.

Едва Сержа отпустили оперативники, к нему пристал капитан. Тот сразу же сделал вывод, к которому пришел и сам Серж, – покушение было организовано на него, а Долли погибла случайно.

Сазонов хотел услышать от Сержа, кого он подозревает в организации покушения, кто мог быть заинтересован в его смерти?

Серж отвечал, что не подозревает никого, смерть его никому не нужна и нельзя ли оставить его в покое, у него голова сильно болит... И вообще, это скорее всего несчастный случай. Серж понимал, как глупо это звучит, но ему было наплевать. Своих забот хватает, а тут еще этот тупоголовый капитан со своими дурацкими вопросами...

– Но это же просто бред свинячий! – горячился капитан Сазонов, с негодованием глядя на Сержа, который, откинувшись в кресле, прикладывал ко лбу салфетку, смоченную в фирменном растворе «Серж», обесцвечивающем кожу на месте гематомы. – Вас явно пытались убить, а вы твердите, что это несчастный случай. Какой, к черту, несчастный слу-

чай – машина взорвалась! Машины сами по себе не взрываются, знаете ли. Вот мне эксперт сказал сейчас, что в машине тротила было почти полкило...

– Я не могу представить, кому могло прийти в голову лишить меня жизни, – продолжал стоять на своем Серж. – У меня прекрасные отношения со всеми клиентами. Не говоря уже о клиентках...

– Нет, Сергей Александрович, – пытался пробиться через его глухую защиту Сазонов, – вы просто пудрите мне мозги!

«Да, это действительно просто, – подумал Серж. – Это ты, капитан, верно заметил... Пудрить тебе мозги сможет даже сопливый пацан».

– Ну что вы, товарищ капитан, – укоризненно заметил Серж. – У меня бы не получилось, даже если б я этого и захотел.

– Что не получилось? – не понял его капитан Сазонов.

– Пудрить вам мозги, – с готовностью пояснил Серж свою мысль.

– Это почему же? – Сазонов чувствовал какой-то подвох, но упрямо продолжал идти вперед.

«Потому, что их нет», – подумал Серж, но открыто хамить не стал.

– Потому что, на мой взгляд, это принципиально невозможно, – ответил он.

– Напрасно вы не хотите мне помочь, – огорченно упрекнул его Сазонов. – Покушение не удалось, и ваша жизнь про-

должает оставаться в опасности. А вы покрываете своего будущего убийцу!

– Послушай, капитан, – не выдержал Серж. – Ну, не знаю я, кто хочет меня убить. Не знаю. Что ты пристал ко мне? Ищи, если тебе это так нужно... А меня оставь сейчас, ради бога, в покое.

– Напрасно вы так, Ефремов, – обиделся капитан. – И «тыкать» мне не надо! Я о вашей жизни, между прочим, беспокоюсь! А вы ведете себя так... неконтактно!

– Не надо! – отрезал Серж. – Я сам о себе позабочусь...

– Не знаю, Ефремов, успеете ли вы пожалеть о своих словах, – тяжело вздохнул капитан Сазонов, но все же отстал от него.

«Я о своих словах никогда не жалею...» – подумал Серж, глядя ему в спину.

Чем больше думал Серж об этом происшествии, тем яснее ему становилось, что Шиндлер разнюхал о его «подпольных» действиях. Тогда неудивительно, что он пришел в такую ярость.

Дело в том, что Серж оформил документы на перерегистрацию «Фаворитки» на свое имя. И юридически «Фаворитка» принадлежала уже не Шиндлеру, а Сергею Ефремову. Серж воспользовался неточностью в небрежно оформленных учредительных документах косметического салона, дававших право «трудовому коллективу», который был соучредителем, принимать решения в отсутствие одного из

учредителей. И только потом информировать его о принятом решении. Это казалось ему вполне реальным путем к свободе.

На следующей неделе Серж и собирался сообщить бывшему – теперь он уже с уверенностью мог произнести это слово – хозяину «Фаворитки», ордынцу Саше Шиндлеру, о том, что общее собрание соучредителей приняло решение вывести его из состава владельцев.

Проще говоря – о том, что его кинули, как сопливого мальчика, как лоха.

Кидать Шиндлера было опасно. Настолько опасно, что вполне можно было обнаружить в машине мину. Сегодня Долли и «обнаружила» ее в машине Сержа. Значит, Шиндлер узнал обо всем и, не дожидаясь, пока Серж сообщит ему, что фактически украл косметический салон, решил «навести порядок».

Серж не верил ни в какую мистику, не верил даже в совпадения. Но и не мог представить себе, что мир построен на случайностях. И далеко не случайно на его месте сегодня оказалась Долли.

Это могло означать только одно – что его ангел-хранитель от него все еще не отвернулся, не забыл своего Сержа...

Нет, он, конечно, не представлял себе этого своего высшего покровителя в образе ангела, как на иконах или в книгах, – вообще, как принято их изображать: в виде таких симпатичных юношей с крылышками и «сладкой» педера-

стической внешностью.

Раз уж нет бога, так нет и ангелов. А в том, что бога нет, Сергей Ефремов был уверен. По крайней мере того, в которого верят все. Мудрого и справедливого благообразного старца с окладистой бородой, благосклонность которого можно купить фанатичной верой в него и безгрешной праведной жизнью.

Чушь собачья! Сказки для обиженных судьбой и людьми слабаков! Надеяться в этой жизни нельзя ни на кого! Это Серж Ефремов еще с детства знал твердо. Даже на своего ангела-хранителя...

«В этой жизни! – поймал себя Серж. – Как будто у тебя будет еще одна, какая-то другая жизнь, как будто можно начать все сначала...»

Нет-нет, прав был писатель, которого Сержу довелось проходить в школе! Одна фраза из его наводящего тоску пропагандистского романа просто поразила Сережку Ефремова, когда он ее прочитал впервые, и навечно врезалась в его память...

«Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее нужно так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»

Он тогда не мог справиться с охватившим его волнением. Все его интересы вдруг полностью захватила вычитанная им в этом романе мысль.

Пятнадцатилетний московский школьник очень остро по-

чувствовал в брежневской застойной Москве веяние нового времени, дыхание новой России, еще не родившейся, но уже близкой.

С этого момента он каждую секунду помнил о том, что сам отвечает за то, как сложится его жизнь. Что каждое мгновение он делает выбор, от которого зависит его будущее.

Что каждый его шаг – это начало следующего шага и продолжение предыдущего. А жизнь – это и есть маршрут, путь, складывающийся из этих шагов. И по какой местности пройдет этот маршрут, куда приведет этот путь – зависит только от него самого. Никто не поможет сделать выбор – выбрать вместо тебя...

Впрочем, начиная с какого-то времени, лет, наверное, через пять после школы, Серж начал замечать, что кто-то ему все-таки помогает. Подсказывает – что выбирать. Какая-то высшая сила...

Нет-нет, никакой мистики в этом не было! И бог тут совершенно ни при чем! Да и никакого бога скорее всего не существует. Чем больше Серж смотрел на происходящее вокруг него, тем больше убеждался в этом. Бога выдумали себе слабые – для того чтобы им не так страшно было жить среди сильных, которые устанавливают свои законы для всех, в том числе и для слабых.

Просто, думая о том, почему с ним что-либо случилось, Серж начал понимать, что будущее можно было каким-то образом предугадать. Не то чтобы увидеть вдруг во сне счаст-

ливый номер в лотерее... Но перед выбором что-то с ним обязательно случилось, что можно было расценить как подделку.

Ну, например, такой случай произошел с ним еще в школе...

Он мотался со Славкой Кондрашовым по Арбату. Вместо уроков, естественно. Энергии в них тогда было – штаны между ног оттопыривались от одного ощущения, что ты существуешь... Ну, подцепили какую-то девчонку. Ничего так, симпатичная, только лицо ее показалось Сергею каким-то странным. Что-то в нем было слишком знакомое. Хотя видел он ее явно впервые...

Так вот... Повели эту девицу – она чуть старше была его с приятелем – к Славке домой, на Новый Арбат...

Впрочем, он тогда Калининским проспектом назывался. У Славки отец геофизиком был, работал в Йемене по контракту. Мать вместе с ним уехала, ей тоже работа нашлась – преподавателем в русской школе, тогда много русских геологов там работало.

По дороге они со Славкой еще поспорили втихую – кто первый? Хотя Сергей знал, что первым будет он. Он всегда оказывался первым.

Они почти дошли до Садового кольца, как Сергей вдруг передумал. У него все желание пропало. Сергей хлопнул Славку по плечу и сказал ему: «Вперед, гусар!» А сам купил в подвернувшемся под руку гастрономе бутылку «Жи-

гулевского» и сделал Славке ручкой. Тот посмотрел на него с недоумением – он не умел делать крутых поворотов. А девчонка – Серж хорошо запомнил ее взгляд – посмотрела на него со злостью...

Сергей просидел на Садовом кольце на какой-то лавочке часа два. Думал. О том, что девчонка похожа на его мать. Наверное, он поэтому ее и выбрал. Ведь выбирал именно он, а не Славка. И еще о том, что делать этого нельзя. Нельзя связываться с женщинами, похожими на твою мать. Но не потому, что, трахая такую женщину, ты как бы трахаешься со своей матерью... Дело всего лишь в том, что мать – одна, а женщин много. Так много, что невозможно себе представить. Сергея радовала их многочисленность и разнообразие. А выбирая только тех, кто похож на твою мать, ты ограничиваешь свои возможности... Ты обедняешь свою жизнь. Сергей почувствовал, что сделал важное открытие.

Кто подтолкнул его в тот день, чтобы помешать ему пойти со Славкой? Он подумал, что тогда вмешался его ангел-хранитель. Именно он оттолкнул Сергея от той девки и сунул ему в руки бутылку пива. Именно он заставил тогда задуматься. Эти два часа сыграли очень большую роль в его жизни.

С этого дня он никогда больше не испытывал страха перед женщинами...

А вот Славке не повезло... Девчонку он, конечно, трахнул. Но лучше бы он ее чем-нибудь тяжелым по башке трах-

нул. Через пару дней Славик обнаружил, что, уходя, она прихватила с собой ожерелье из кожи, годами висевшее на стене в гостиной, к которому все привыкли, как к пятну на обоях. Цена ему была копейки, но эту кожаную безделушку отец подарил его матери в день, когда они только познакомились. В общем – что-то вроде семейной реликвии. У Славика возникла проблема... Но это так, чепуха.

О главной своей проблеме он узнал чуть позже. Можно даже сказать – слишком поздно... Ладно бы, если б эта сучка наградила Славку трихомонозом или даже триппером. Так нет же – он от нее подхватил сифилис... Короче, после этого Славка ни к одной бабе близко не подходил. У него волосы дыбом вставали при виде обнаженного женского тела.

Сергей, когда узнал о Славкиной беде, решил, что самому ему просто повезло. Но когда много позже он вспоминал эту историю, ему все чаще казалось, что вовсе не случайно эта девица оказалась похожей на его мать и тем отпугнула его от себя.

Это было какое-то предостережение. И хорошо, что у него хватило доверия к своим ощущениям... Доверие это его потом часто выручало в разных ситуациях. Нужно быть только внимательным и понимать, чего ты хочешь. Может быть, ангел-хранитель сидит где-то внутри его самого? И если он посланник силы какой-то более высокой и могучей, то и бог – внутри?

Впрочем, Сержа подобные проблемы давно перестали му-

чить. Он научился пользоваться этими подсказками, идущими откуда-то изнутри, но только не из головы, не из сознания... Ему было не так уж и важно — бог или дьявол подсказывает решение. Главное, что это всегда помогало ему избежать ошибок.

Вот и сегодня. Кто «подсунул» ему Долли с ее идиотскими проблемами и заплаканными глазами? Кто надоумил ее попросить у него машину? Случайность? Но разозлился-то он на нее не случайно, а потому, что достала она его своими слезами.

Так разозлился, что рад был ей и совсем подарить машину, только бы она исчезла вместе со своим слезливым настроением. Короче, если бы она его не достала сегодня, он ей машину не дал бы.

Сам собирался выкроить среди смены полчаса — съездить перекусить в свой любимый подвальчик, где его знают, любят и мечтают попасть к нему на прием. Не только официантки, но и бармены тоже. Серж работал и с мужчинами, а точнее — с мужскими лицами.

От мысли, что он сам запросто оказался бы на месте Долли, Сержу стало зябко, по спине пробежали мерзкие мурашки...

Но как же быть теперь с Шиндлером? Честно говоря, Серж не рассчитывал на такую реакцию с его стороны. Не такой уж «Фаворитка» была драгоценностью в списке богатств Шиндлера, а вернее — в списке предприятий, принад-

лежащих ордынской группировке. Доходец давала жиденький, Серж последнее время частично сдерживал рост дохода, частично скрывал его и от Шиндлера, и от налоговой инспекции.

И если бы дело было только в самом косметическом салоне, Шиндлер не стал бы устраивать такой тарарам. Ну наехал бы, ну морду бы Сержу набил, и на этом, глядишь, и успокоилось бы все...

И потом, если тебе нужен этот салон, зачем же разносить его вдребезги? А ремонт после сегодняшнего взрыва потребуетя нешуточный...

Нет, Серж точно знал, что на «Фаворитку» Шиндлеру наплевать. Поэтому и хотел ее увести потихоньку. Иначе бы не решился с Шиндлером связываться. Скорее всего до того дошли слухи о неожиданной популярности Сержа среди заказчиц. Ведь о его мастерстве уже сейчас легенды ходят. Правда, пока только среди проституток... Но сейчас ничего большего и не требуется.

Кто-то из них и похвастался, наверное, Шиндлеру, что побывал на приеме у Сержа. И какие чудеса Сергей с женскими лицами творит. А тому достаточно намекать, чтобы он понял все: что из себя представляет Серж, сколько на нем можно заработать, если раскрутить как следует. Шиндлер такими людьми не бросается.

Стоило только сунуть нос в дела «Фаворитки», о которых Шиндлер и не вспоминал, похоже, годами, привыкнув к то-

му, что она на ладан дышит, как сразу стало понятно, что Серж собирается от него отколоться. Ордынскому коммерсанту наплевать было на «Фаворитку», но он не мог позволить Сержу уйти из-под своего контроля.

И Шиндлер решил не тратить время на бесполезные разговоры. Слишком ценный кадр. Понял также, что с разговорами и наездами опоздал. О чем разговаривать, если Серж, как видно, все решил и все обдумал? Тут уже не до разговоров, нужно аргументы предъявлять.

И у Шиндлера не нашлось другого аргумента, кроме четырехсот граммов тротила... Да... Стиль переговоров у него жестковатый. Мол, если останешься в живых, приходи – поговорим...

Ясно. Раз уж Серж остался в живых, Шиндлер об этом наверняка узнает.

И будет ждать. Недолго, несколько дней. Ждать, пока Серж явится к нему с повинной. А тогда он изобразит полное неведение о «беде», постигшей «Фаворитку», заявит, что давно уже хотел от нее избавиться и дать Сержу поруководить чем-нибудь помасштабнее.

И Серж в тот же день окажется руководителем какого-нибудь грандиозного проекта: что-нибудь в самом центре, внутри Бульварного кольца с оборотом в миллионы долларов в перспективе.

С Сержем подпишут контракт на очень выгодных для него условиях, но он уже никакого отношения не будет иметь к

собственности. Он станет хорошо оплачиваемым, но наемным работником. Потом ему вручат огромные подотчетные суммы на раскрутку, подставят какую-нибудь «левую» фирму, хотя бы по стройматериалам, и все...

Пропала свобода Сержа. Знает Серж этот простой механизм закабаления, которым обычно пользуется Шиндлер. Очень хорошо знает.

Фирма сорвет поставки, концов не найдешь. А Шиндлер потребует отчитаться за истраченные деньги. И повесит долг на Сержа. С процентами. Такими, что годами отдавать придется и с каждым годом все сильнее увязать будешь. Кончится тем, что попадешь в полную зависимость от Шиндлера. Работать будешь на полную катушку, а получать – только то, что Шиндлер тебе разрешит. И уже не сбежишь – достанут. Сколько таких случаев Сержу было известно! Выжимали из людей последнюю энергию, до капли, а потом все, что есть, отбирали и просто выгоняли на улицу... Спиваться... Нет! Если бежать, то только сейчас. Пока коготки не увязли...

Бежать-то бежать, но куда? Сложность в том, что Шиндлер и догнать может. А уж тогда точно шею свернет. Но и ишачить на него Серж больше не собирался. Слишком он высокого о себе мнения, чтобы соглашаться таскать шиндлеровское ярмо...

Правда, с «Фавориткой» теперь все окончательно ясно стало. Ремонтировать ее у Сержа ни денег, ни желания не было. Оставалось только бросить и забыть про нее. Да и за-

чем ремонтировать – только для того, чтобы ее в очередной раз взорвали?

Серж сразу почувствовал облегчение, едва принял такое решение. Он только сейчас понял, что «Фаворитка» – это тупик для него.

Слишком маленький масштаб, чтобы достичь того, к чему он стремился. И удачно, что разгромил ее Шиндлер. Пусть с ней разгребается «трудовой коллектив» – уборщица, касирша, массажистка с парикмахером. Но без него. Без директора. В гробу он видел этот коллектив вместе с «Фавориткой»...

Ему срочно нужна новая надежная и сильная крыша, которая защитит его от Шиндлера. Не может быть, чтобы в Москве невозможно было себе такую отыскать. Нужно только точно знать – где искать.

Серж знал, что на этом уровне, «уровне крыш», жизнь чаще всего устроена элементарно, по известной незамысловатой поговорке: против лома нет приема, если нет второго лома... Ладно, пара дней у него наверняка есть, чтобы найти «ломик» поувесистей шиндлеровского...

## Глава 3

Отвязавшись от капитана Сазонова, Серж взял такси и, все еще прислушиваясь к пульсирующему волнами звону в голове, сказал водителю:

– Командир, на Малую Дмитровку. К театру имени Булгакова...

Такси сразу же влилось в поток машин, приняло его темп, и уже через несколько минут за окном мелькнул мост, затем справа показались площадь, музей, потом круто – налево, и уже помчались по Тверской.

Слева осталось здание Моссовета, и вот показался впереди бульвар. Такси круто повернуло направо, нырнуло под мост и еще через несколько десятков метров подрулило к театру. Серж расплатился и поспешил к служебному входу.

Увидев его, вахтерша театра взялась за внутренний телефон.

– Алло! Милочка? Пришли к тебе. Кто, кто... Гений твой пожаловал...

И, положив трубку, сообщила Сержу, поглядывая на него с иронией:

– Сейчас бегом прибежит твоя Милочка. Она уже несколько раз тебе сегодня звонила. У вас там телефон, что ли, не работает?

– Не работает, тетя Валь, – подтвердил, хмыкнув, Серж.

Из коридора выбежала молодая женщина и, пробежав мимо вахтерши, повисла на шее у Сержа. У того потемнело в глазах.

– Милка! Ты меня угробишь... – пробормотал он, хватаясь рукой за стену.

– Что с тобой? – тут же испуганно спросила Мила. – Что с тобой случилось? Теть Валь, срочно дозвонись в «Скорую»!

– Не надо! Прекрати! – остановил ее понемногу проходящий в себя Серж. – Была уже «Скорая»... Рассмотрела со всех сторон и отпустила. Не сочла нужным меня спасать. Кое-кого соскребли с асфальта, кое-кого увезли по частям, а мне, можно сказать, – повезло!

– Да что случилось-то с тобой? – Мила уже почти кричала. – Скажешь ты или нет? Ты цел? Отвечай мне сейчас же! Ты не ранен?

– Не ори, Милка! – Серж прикрыл пальцами ее губы. – Я жив и почти здоров... Вместо меня развалилась машина...

– Ты в аварию попал!

– Да нет же! – Серж уже просто злился. – Можешь ты помолчать минуту?.. Всего минуту, чтобы я успел сказать... Пошли со мной сейчас. Ты мне нужна... У тебя спектакля вечером нет?

– А сегодня совсем отменили. – Мила понизила голос, чтобы не слышала вахтерша. – Коля Караваев... приболел немного...

– Заболел! – возмутилась вахтерша, со слухом которой

могло соперничать только ее любопытство. – Да он третий день уже – никакой. Вот Жорж и обозлился на него... Сказал: если до завтра не просохнет – выгонит... Сколько лет терпит!

– Тетя Валя! Как вы любите сплетничать о ведущих актерах! – возмутилась Мила. – Лучше бы обо мне слухи распускали...

– Да что про тебя рассказывать-то, Милка? – искренне удивилась вахтерша-пенсионерка. – Бегаешь вот за этим своим... – Она кивнула на Сержа. – Как хвост. А он на тебя покрикивает... Гений твой ненаглядный...

Серж схватил Милу за руку и вытащил ее на улицу. Она нетерпеливо задергала рукой, пытаясь вырвать локоть из его ладони.

– Она права, Сережка. Ты на меня почему-то кричишь...

– Давай... Давай! – закивал головой Серж. – Давай, сцену мне устраивай. Только твоих сцен мне сегодня не хватало...

– Но мне же обидно, Сережа! Я терплю все это только потому...

Серж увидел, что, если он еще чуть-чуть проявит грубость, она заплачет.

«О, господи! Весь день слезы сегодня, – подумал он раздраженно. – Ну сколько можно-то! Я этого больше не вынесу...»

– Девочка моя! Я же люблю одну тебя во всей Москве! – воскликнул Серж, осторожно сжав ладонями ее щеки и це-

луя в кончик носа. — И ты единственная, чьей красотой я восхищаюсь...

Говоря последнюю фразу, Серж несколько не покривил душой.

Мила действительно его восхищала. Ее лицо, с точки зрения Сержа, было совершенным. Он не мог даже понять, в чем секрет этого совершенства. Лицо Милочки не было абсолютно правильным, как у Долли. Но, в отличие от лица Долли, ее лицо было по-настоящему красивым, им не хотелось восхищаться, на него просто хотелось смотреть и смотреть, не отрываясь.

Серж болезненно поморщился, вспомнив, что его творение уничтожено варварским взрывом идиота Шиндлера, которого интересуют только деньги. И еще. Стоило ему прикрыть на мгновение глаза, как тут же возникала картина лежащей на асфальте женщины с оторванной ногой и покачивающимся над распоротым животом осколком стекла... Это была страшная картина.

Не столько мучительная смерть этой женщины угнетала Сержа, сколько вид обезображенного женского тела. Серж осторожно помотал головой, отгоняя воспоминание.

Красота Милы была для Сержа недостижимым пока и, в силу этого, раздражающим образцом творчества господ бога. Глядя на нее, он часто ощущал свое бессилие перед творчеством природы и злился от этого. В остальном... В остальном он, конечно, сейчас Миле солгал. Он ее не любил. Как

не любил ни одну женщину...

Он любил всех женщин сразу. И ни одну из них не выделял из остальных. Чтобы не обидеть каждую...

– Все же, Сергей, что с тобой произошло? – спросила Мила, освобождаясь от его ладоней. – Я звонила тебе сегодня...

Она почему-то принципиально не называла его Сержем. И это его тоже раздражало. Хотя он знал, что Мила считает его гением, восхищается его талантом, и сознавать это было приятно. Мила одновременно и привлекала его к себе, и отталкивала.

В ее присутствии он чувствовал себя неуверенно, но как-то спокойнее. Словно она была намного старше и опытнее его. Хотя на самом-то деле все было как раз наоборот – старшим и опытным был именно он, а вовсе не Милочка.

– Сейчас, Миленька, сейчас, я тебе все расскажу. Только сядем где-нибудь спокойно, у меня ноги трясутся от усталости.

Серж и в самом деле почувствовал, что смертельно устал. И Долли ему было теперь жалко до слез. Он столько труда вложил в ее тело, в ее лицо. Это действительно была куколка...

Он тогда самому себе доказал, что может кое-что. И сможет еще гораздо больше. В этом Серж и сейчас был уверен. Обязательно сможет, если сумеет освободиться из рабства у Шиндлера.

Серж увел Милу на Тверскую и усадил за столик в откры-

том летнем кафе. Ей купил мороженое, себе – пару бутылок «Хольстена». Серж все ей рассказал, с удовлетворением наблюдая, как меняется ее прекрасное лицо – от обиженно-возмущенного до испуганного и растерянного.

– Что же делать? – воскликнула Мила. – Он теперь тебя убьет!

Серж усмехнулся. Он знал, что сейчас у нее пройдет первый испуг, и она начнет искать выход для него, Сержа. Так было не раз, так будет и сегодня. Серж был уверен в этом. Уверен он был и в том, что Мила сумеет найти решение его проблемы.

У него было такое, не раз уже оправдавшее себя правило: если сам не знаешь, как выпутаться из сложной ситуации, спроси у женщины, которая тебя любит, и она найдет решение проблемы.

Инстинкт самосохранения развит у женщин гораздо сильнее, чем у мужчин. Нужно только, чтобы женщина достаточно хорошо знала состояние твоих дел и... И любила тебя, конечно.

Это необходимое условие... Поэтому всегда полезно иметь под рукой женщину, которая тебя искренне любит. Она всегда что-нибудь придумает. Это проявление одной из главных природных функций женщины – спасти от беды тех, кого она любит.

«Ее нужно только немного подтолкнуть, – подумал Серж о Милочке. – Помочь ей найти для меня оптимальное реше-

ние. Она сумеет...»

– Как думаешь, Милочка, – спросил он, – вашему Жоржу не нужен кто-нибудь с моей профессией?.. Какой-нибудь гример, например?

Серж спрашивал, отлично понимая, что говорит чепуху. Какой из него, к черту, гример! Его призвание – дарить женщинам настоящую красоту, а не замазывать на один вечер штукатуркой их недостатки. Да он никогда бы и не согласился работать гримером ни в каком театре. И Мила это прекрасно понимала.

Не понимала она только того, что Серж ломает перед ней комедию, изображая, что смирился с ситуацией, вынуждающей его думать о работе в театре. Что жизнь загнала его в угол.

«Сейчас она начнет мне объяснять, что театр – это не для меня... – подумал Серж. – Она знает, что у меня более высокое предназначение. И примется объяснять это мне самому».

– Жорж, конечно, много слышал о тебе... – начала Мила. – И, без сомнения, с удовольствием возьмет такого мастера, как ты...

«Это, конечно, вранье, – подумал Серж. – Слышал обо мне Жорж! Разве что – от тебя?.. Ну давай, продолжай, девочка, продолжай врать! Скажи мне, что дело совсем не в этом...»

– Но дело в том, – продолжала Мила, – что тебе не нуж-

но работать у Жоржа. Театр – не для тебя. В театре ты погибнешь, Сережа... Актерам не нужны совершенные лица, новая внешность. Ты будешь вынужден работать с внешностью – иногда даже уродливой и при этом не будешь иметь права ее изменить. Актеры часто лелеют свое уродство и не хотят ничего менять в своем лице. Оно делает их индивидуальными. Тебе придется обслуживать это уродство. Ты просто сойдешь с ума от этого...

«Собачья чушь! – подумал Серж, совершенно, впрочем, спокойно. – О настоящем уродстве ты не имеешь представления. У твоих актеров обычные лица, у каждого – свое, особенное. Как и у любого человека. Ты, деточка, оказывается, презираешь их за их несовершенную внешность... Но насчет меня ты заблуждаешься. Я бы работал с их физиономиями с таким же интересом, как и с твоим поистине прекрасным лицом. Если бы...»

Серж не смог удержаться от откровенной саркастической улыбки.

«Если бы твои актеры не были нищими, – продолжал он рассуждать, – я бы вполне мог с ними работать. Но я, конечно, сойду с вашими актерами с ума, в этом ты права, – если буду работать бесплатно! Тебе же прекрасно известно, что я не умею работать бесплатно. Это лишает меня всякой творческой энергии».

– Я знаю, что тебе нужно! – решительно заявила Мила. – «Счастливое тело»! Это салон на Большой Никитской. Я

приняла его сначала за посольство какое-нибудь: вереница иномарок, у дверей – два здоровенных охранника, особнячок чистенький такой, вылизанный, с заборчиком. Ну я и подумала – посольство, из Африки, например... А потом смотрю – из одной иномарки вылезает Алина. Ну, самая «крутая» сейчас на эстраде... Ну та, которую Андрей Крутов наверх тащит...

Милочка смешно сморщила нос, вспоминая фамилию, но стала от этого еще красивее. Серж чуть зубами не скрипнул, глядя на ее лицо. Как это богу удастся походя создавать такие красивые экземпляры? Серж представил, как он прикасается к лицу Милочки скальпелем, и мучительная гримаса искажила его лицо – он почувствовал себя творчески беспомощным и даже бесплодным.

– Что с тобой, Сереженька? – тут же всполошилась Мила. – Тебе плохо? Ты меня обманул! Ты все же ранен! Довольно! Мы едем в больницу!

– Никуда мы не едем, Милка! – резко ответил Серж, взяв себя в руки. – Я же сказал, что врачи из «Скорой» меня смотрели. Ничего серьезного нет. Так, пара пустяковых ушибов.

Но Мила все еще глядела на него с заботливым подозрением.

– Ну ладно, радость моя, – смягчил тон Сергей. – Поверь мне, я – в порядке. Просто устал сильно, сегодня был такой идиотский день!.. Оставим это. Ты рассказывала что-то весьма интересное. Поверь, для меня это гораздо важнее сейчас,

чем все остальное. Что там за «Счастливое тело»?

Интерес Сержа всегда был для Милочки своего рода наградой. Она тут же вострепнулась и продолжила повествование.

– Так вот, представь, – вновь оживилась она. – Алина эта выползает из своей иномарки и прямо нам навстречу. А мы с Танькой Логиновой по нашему бульвару гуляли, ну и свернули на Большую Никитскую... Посмотрела она на нас, как на пустое место – что это, мол, за мелочь ей под ноги попала! Я еще тогда говорю Танюшке: «Зачем это она в африканское посольство направилась? На гастроли к ним, что ли, собралась?»

Мила улыбнулась.

– А Танька так на меня посмотрела насмешливо, но по-доброму, и говорит (голос у нее низкий и какой-то ироничный всегда): «Ты сама, что ли, из Африки только приехала? Это же „Happy Body“, известный на всю Москву массажный салон. Но не для нас с тобой. Мы слишком мелкие сошки... Да и не по нашим деньгам...» Я еще посмотрела на особнячок с сомнением – маленький он уж больно... Вот такусенький, хотя и симпатичный...

Она двумя пальцами показала, какого размера был особняк.

– А Татьяна опять улыбнулась насмешливо, – продолжала рассказывать Мила. – «Это, – говорит, – только приемная, в которой Царица сидит. У них там дальше целый городок

внутри квартала. Чего только нет... Строений пятнадцать, не меньше... Ну, хватит глаза таращить, у нас вторая репетиция скоро, нужно успеть вернуться... Опять Жорж надомной издеваться будет. Мне эти его шуточки насчет лесбиянства вот где сидят...» – А я тогда сразу о тебе подумала...

Но Серж давно уже ее не слушал. Диана Савская! Вот кто ему сейчас нужен. «Happy Body»! В этом маленьком государстве можно не только спрятаться от Шиндлера, но и найти на него управу.

Кто такой Шиндлер по сравнению с Царицей Дианой! У нее масштабы побольше, она с десятком таких «шиндлеров» работает и наверняка есть у нее выход и на людей более весомых, чем держатель общака одной из столичных группировок. Причем не самой, надо сказать, сильной, есть покруче и немало! Царица Шиндлера раздавит, едва только пальцем шевельнет! Если, конечно, захочет...

Да! Работать у нее – хороший выход. Это открыло бы перед Сержем большие горизонты. И деньги там крутятся огромные...

– Я уже все продумала, – заявила ему Мила, дернув за руку. – Ты меня слушаешь? Сегодня у нас на Дмитровке, в ночном клубе «2x2», будет Евгений Генкин. Я с ним познакомлюсь...

Мила погладила Сержа ладонью по щеке. Ему захотелось застонать при виде ее тонких, полупрозрачных пальцев, каждый из которых был произведением природы, недоступным

таланту Сержа.

– Не волнуйся, – сказала она, истолковав что-то, замеченное во взгляде Сержа, по-своему, – он человек, для меня совершенно безопасный. Но я знаю, как его заинтересовать. А потом познакомлю с тобой. И ты, едва взглянув на него, должен дать ему несколько рекомендаций. Таких, чтобы он был поражен твоей способностью сразу же увидеть главную проблему и тут же найти ее решение. Ты должен мгновенно понять про него все.

Мила посмотрела на Сержа, как на маленького ребенка, которого уговаривают сделать что-то, чего он делать совсем не хочет.

– Ты же это можешь, Сереженька... – убеждающим тоном продолжала она. – А тогда ты попросишь у него рекомендацию к Савской. Ведь просто так, если ты явишься с улицы, она с тобой разговаривать не будет, даже и не примет... А если ей Генкин расскажет, как ты его увидел и сразу насквозь – она не сможет не заинтересоваться, ведь это она ему лицо делала, ее специалисты.

– Да уж, сделали, – буркнул Серж. – Ничего не скажешь... Ремесленники! Ему и так не повезло с внешностью, а тут еще эти коновалы всю постарались... С их способностями я бы им даже заборы ремонтировать не доверил, а не то что лица поп-звездам ретушировать! А что касается этого Генкина, я бы легко сделал из него супермодель.

– Все! Решено! – заявила Мила. – А теперь – домой! Ко

мне... Мы поедem ко мне, Серж? Ну, пожалуйста! Разве я не молодец? Я же все прекрасно придумала. Ну, скажи, разве я не заслужила твоей любви? И разве ты не хочешь моего прекрасного тела?

«О, господи! – молча простонал Серж. – Этого еще только мне сейчас недоставало! Придется отработать... Как это сейчас некстати! Впрочем, еще, может быть, и обойдется...»

– Дай руку, девочка моя, – прошептал он Миле, наклонившись к самому ее уху и касаясь губами ее мягких, перетекающих на шею волос. – Ты сама почувствуешь, как я тебя хочу!

Серж взял ее за запястье, медленно потянул к своим брюкам. Как он и предполагал, Мила руку тотчас отдернула. Она всегда смущалась быть слишком откровенной на людях. И хорошо, что смущалась...

У него не было ни малейшего желания, ничто не шевельнулось даже, и ему вовсе не хотелось, чтобы Мила об этом знала...

Честно говоря, Серж думал сейчас о теле совсем другой женщины. Которую никогда не видел обнаженной, но пытался представить.

Конечно, он знал, кто такая Диана Савская. Любой человек в Москве, хоть немного интересующийся своей внешностью и имеющий представление о том, что его возможности далеко не ограничиваются тем, что он видит в зеркале, знал, что Царица Диана управляет целой империей, командует це-

лой армией специалистов, способной из шведа сделать сначала японца, а потом негра.

Если поступит такой заказ. И самое главное – если будет оплачен...

Диане было под сорок. Ее, конечно, подтянули, разгладили, выглядела она на двадцать пять. Но цену своей внешности Царица Диана знала и культа из нее не делала. На любом конкурсе красоты, любого уровня, даже, например, «Мисс Асфальтоукладчица», она заняла бы последнее место.

Серж видел ее пару раз живьем, не на экране, не на фото в журнале, где обычно фотографии ей очень льстили, и на тонкого ценителя женской красоты она произвела жутковатое впечатление.

Резкие грубые движения в сочетании с непропорциональной тяжеловесной фигурой производили отталкивающее впечатление. Картину дополняло очень агрессивное лицо, из которого усилиями всех ее мастеров не удалось изгнать выражения напряженной неприязни ко всему, что попадало в поле ее зрения.

Можно ли хотеть такую женщину? Вот главный вопрос, который решал сейчас для себя Серж. Он прекрасно понимал, что только на своем мастерстве он никогда не вылезет на самый верх. Для него опять будет отведена полочка, выше которой его не пустят.

А чтобы попасть наверх, ему придется подчинить Царицу своему влиянию. Серж знал, что сделать это можно. Но путь

к победе над мужеподобной Дианой только один – через постель...

Но в постели врать нельзя. Это Серж тоже знал прекрасно.

Женщины это чувствуют очень тонко. Если уж ты раздел женщину, будь добр ее захотеть. Именно ее. И не представляй длинноногих и высокогрудых тоненьких красавиц, когда трахаешь какую-нибудь расплывшуюся, плоскогрудую, с отвисшим задом и морщинистой кожей. Сумеи увидеть и в ней женщину, которая тебя возбудит. Не сумеешь – тогда лучше не начинай... Она станет твоим врагом. Потому что поймет все твое вранье, весь твой театр. Но захотеть можно любую женщину.

В этом Серж был уверен. Даже Диану Савскую. Серж теперь рвался в бой.

Он уже хотел эту грубую медведицу. Его возбуждало одно только сознание того, что каждое его движение в постели с нею будет приближать его к заветной цели, к вершине заоблачного пока Олимпа. От этого можно было кончить без всякой женщины!

И еще одно соображение делало Диану привлекательной для Сержа. Он знал, что дорога наверх вымощена отнюдь не благими делами.

И реальность пахнет не так уж привлекательно для тех, кто привык зажимать нос от крепкого запаха. В сегодняшней Москве очень большие деньги – а меньшие Сержа не интересовали – невозможно зарабатывать, не имея связей с кри-

минальным миром...

Шиндлер – слишком мелок по сравнению с теми людьми, о которых думал Серж. Он не был знаком ни с одним из них, но точно знал, что они существуют. И очень хотел установить с ними деловые связи. А человек его профессии может оказаться очень полезным любой мафии. И дело не только в дорогостоящих пластических операциях по изменению внешности тех, у кого возникают непримиримые противоречия с правоохранительными органами.

Серж даже плотоядно улыбнулся, представив, насколько он мог быть полезен криминальным авторитетам. Не говоря уже о том, что любая мафия вынуждена отмывать свои деньги, а индустрия красоты всегда будет оставаться одной из самых рентабельных и самых прибыльных. Всегда! До тех пор, пока на свете будет существовать хотя бы одна женщина.

А в том, что Диана Савская тесно связана с криминальным миром, Серж не сомневался. Она не может не иметь таких связей. Иначе ей не удалось бы выстроить столь мощное предприятие по производству женской красоты. Это стоит денег, причем немалых.

«Впрочем, и мужской красоты – тоже, – подумал Серж, вспомнив о Генкине, на протекцию которого рассчитывала Мила. – В основном, конечно, голубого оттенка. Ну да мне на это наплевать...»

Как сексуальные объекты, гомики его не интересовали, а вот как клиенты они были очень даже перспективны. В смыс-

ле творчества. Это была задача, достойная Сержа, – внести путаницу в проект господ бога, нарушить его планы. Сделать из мужчины суррогат женщины.

А вот транссексуалов он терпеть не мог, сам не понимая – почему. Может быть, потому, что в них слишком чувствовалась половая неопределенность. Бывшие мужчины, так и не ставшие женщинами, – это даже не ошибка, а «помарка» природы. Неудачный эскиз к неудачному проекту, перечеркнутый автором.

И наоборот. Серж слишком хорошо знал, что недостаточно иметь в наличии женские половые органы или не иметь, скажем, бороды, чтобы быть женщиной – в полном смысле этого слова.

Даже такой, как Диана...

## Глава 4

С Генкиным Серж Ефремов «разделался» за те тридцать секунд, которые тот отвел ему на установление «диагноза».

Генкин был просто поражен точностью замечаний, которыми Серж охарактеризовал его имидж буквально сразу же, едва тот его об этом попросил. Серж специально не делал акцент на одном только лице Генкина – это было самое слабое место его собеседника. Акцент на нем слишком бы раздражал Генкина и отнюдь не способствовал бы установлению нужного Ефремову контакта. А порезвиться, собственно говоря, было на чем – внешность эстрадной гей-звезды давала для этого богатый материал. Причем особенно богатым его назвал бы художник-карикатурист, а вовсе не ценитель прекрасного.

Лицо у Генкина было чрезмерно слащавое и расплывчатое, словно у пятидесятилетней женщины, которая лет двадцать не смотрела на себя в зеркало и махнула рукой на свою внешность. Говорить об этом прямо было невозможно, Серж тут же нажил бы себе непримиримого, мстительного и злопамятного врага. Характер Генкина был хорошо известен не только его немногочисленным друзьям, но и гораздо более многочисленным любовникам.

Серж ограничился общими замечаниями о впечатлении, которое Генкин производит на мужчин. Чтобы заинтересо-

вать Генкина своим мнением, достаточно было сказать, что в его облике слишком мало тайны, что он слишком откровенен и что эта откровенность порой граничит с вульгарностью дешевой проститутки.

Это было самое рискованное замечание, которое позволил себе Серж. Но он знал, как нейтрализовать негативную реакцию, которая неизбежно должна была последовать на эти его слова. На глазах у наливающегося гневом Генкина он нарисовал на салфетке, как он видит его внешность в перспективе.

Серж показал Генкину, что может из него сделать мастер, и Генкин тут же влюбился в свою «потенциальную» внешность. Он понял, что над ним работали ремесленники. Настоящий мастер сидит сейчас напротив него, а на клочке бумаги именно тот, каким он всегда мечтал себя видеть.

И их роли тут же поменялись. Еще секунду назад Серж Ефремов полностью зависел от того, какое мнение о его способностях сложится у человека, с которым он разговаривает.

Стоило Сержу «зацепить» Генкина, и тот мгновенно стал от него зависим.

Первый вопрос, который Генкин сразу задал, был именно тот, которого Серж и ожидал: «Когда?»

– Что, собственно, когда? – Серж сделал вид, что ничего не понял, удивленно взглянув на своего собеседника, взволнованного открывшейся перед ним перспективой.

– Когда ты сделаешь это? – произнес Генкин таким тоном,

что Ефремов тотчас же почувствовал себя хозяином положения.

Этот человек теперь будет полностью зависеть от него до тех пор, пока Серж не сделает его лицо таким, каким только что изобразил на салфетке. Хотя бы уже поэтому торопиться не следует.

Нужно еще хорошо подумать, какой гонорар запросить за свою работу. Теперь можно диктовать этому попавшему на удочку извращенцу любые условия. Надо только реально оценить его возможности. Не стоит запрашивать столько, сколько он не в силах будет заплатить при всем желании.

И Серж пустился в рассуждения о сложности такой операции, об огромных затратах, которые потребуются на то, чтобы оборудовать соответствующую задаче клинику, в которой можно будет провести такую операцию со стопроцентной гарантией успеха.

Услышав о больших деньгах, которые нужны Сержу, Генкин приуныл. Его финансовые дела обстояли не столь хорошо, чтобы можно было рассчитывать на свои деньги купить все необходимое для операции.

Речь шла о клинике с современным оборудованием, о квалифицированном персонале, о самых современных медикаментах и косметических препаратах, из которых Серж готовил свои фирменные растворы и кремы. Это были тысячи, десятки тысяч и даже сотни тысяч долларов, если брать по минимуму.

А последнее увлечение Генкина – темпераментный, страстный негр из известной всему миру рок-группы – заметно опустошило его счет в банке. Он всегда был слишком щедр в любви, часто делая своим любовникам подарки, которых они явно не заслуживали. Вот и этот негр... Он ловко окрутил Генкина и просто вынудил его купить «бунгало» на острове Андрос.

Черт его знает, почему он столь пренебрежительно называл этот двухэтажный особняк на самом большом из Багамских островов «бунгало»? На те деньги, которые Генкин за него выложил, можно было, наверное, мыс Канаверал купить вместе с дюжиной стартовых площадок для космических кораблей. Генкин даже не помнит, когда же он подарил этот просторный особнячок страстному негру. Он тогда вообще ничего не помнил.

И сейчас ничего не помнит, кроме гладкой, отливающей глубоким фиолетом, черной кожи и розовых, удивительно нежных ладоней...

Генкин прогнал сладкое и в то же время раздражающее его воспоминание. Почему, собственно, он должен был что-то дарить? Почему не наоборот? Будь у него такая внешность, которую разглядел в его лице этот странный, нервный тип, который держится с каждой минутой увереннее, хотя поначалу изображал из себя бедного родственника, Генкину самому дарили бы и особняки, и бриллианты, лишь бы завоевать его благосклонность! Перед ним сидит человек, кото-

рый может полностью изменить его жизнь, и ему обязательно в этом нужно помочь.

Серж Ефремов ждал следующего вопроса. Он был опытным психологом, когда дело касалось внешности клиента. Впрочем, сейчас он разговаривал не с женщиной... Но и не с мужчиной же! Да и какая, черт возьми, в данном случае разница! Психология у него явно женская, кем бы он там ни был на самом деле – мужиком, бабой, мальчиком, девочкой! Только вот поглядывает он на Сержа как – то слишком уж плотоядно. Нужно быть поосторожнее. Не хватало еще, чтобы Сержа начали «снимать», и ему пришлось бы послать Генкина подальше и поссориться с человеком, на помощь которого он рассчитывает.

Надо побыстрее подсказать ему, как он может помочь, да сматываться, пока дело не дошло до откровенного поглаживания по колену. Серж тут же перевел разговор на Диану Савскую и увидел, как сморщился Генкин при упоминании фирмы, «сделавшей» ему лицо. Пара ироничных замечаний о мастерах, работающих в «Happy Body», и вслед за тем уважительное мнение о технических возможностях салона Савской прозвучали достаточно откровенным намеком, чтобы Генкин сообразил, что необходимая для Сержа база уже существует, и проблема только в том, чтобы он получил возможность ею пользоваться. И тогда все проблемы будут решены.

Генкин намек понял, тут же его подхватил, развил и сам

предложил Сержу рекомендовать его Царице Диане в качестве высококвалифицированного мастера-визажиста и поручиться за него самым дорогим, что у него есть, – своей популярностью во вполне однозначно ориентированных кругах. Ничего другого от него и не требовалось.

Через минуту договорились, что Генкин позвонит Сержу Ефремову, как только поговорит с Царицей Дианой. Они расстались.

Генкин, выходя из клуба, думал о том, какое впечатление будет производить, когда Серж преобразит его лицо, и какие перспективы перед ним откроются, – мечтательная улыбка не сходила с его полных, чувственных губ.

Серж, покидая клуб, был спокоен и уверен, что все сложится именно так, как он рассчитывал. О Генкине он думал зло и пренебрежительно:

«Позвонит через полчаса, урод! Он же просто дрожит от нетерпения».

От промелькнувшей в голове Сержа мысли, что нетерпение Генкина вызвано не только мечтами о новом лице, но и о нем самом, чуть не вывернуло его наизнанку. С женщинами он готов был на что угодно, с любыми, пусть даже самыми уродливыми, но...

Даже думать об этом Сержу было противно! Никогда в жизни он не пойдет на это! Он просто физически не сможет это перенести – его тут же стошнит, и на этом все закончится.

Генкин позвонил ровно через час. Несмотря на то что бы-

ла уже вторая половина ночи, он сумел разыскать Савскую, возможно, что и в постели. Радостно-возбужденным голосом он сообщил Сержу, что Царица назначила Ефремову встречу на завтрашнее утро. Генкин очень просил Сержа не опаздывать, он просто умолял, твердя о том, что у него с Царицей нет таких близких отношений, чтобы просить ее второй раз об одном и том же.

«Откуда же у тебя возьмутся близкие с ней отношения, — усмехнулся про себя Серж. — Она же не мужчина все-таки».

О том, что утро у Царицы, как и у многих представительниц ее круга, начинается не раньше полудня, Сержу было хорошо известно.

«Она мне назначила встречу! — раздраженно подумал Серж о Диане Савской. — Царица! Мы еще посмотрим, кто в конце концов станет править этим царством. Я еще не сказал своего слова...»

Мысль о Савской не могла не вызывать его раздражения. Сколько ни рассчитывал он на свои будущие отношения с ней, сколько ни надеялся поймать ее на крючок истинного чувства, о котором мечтает каждая некрасивая женщина, Серж все же хорошо понимал, что установить контроль над деньгами, которыми распоряжается Савская, ему никогда не удастся, а это и будет, в конечном счете, определять все его отношения с Царицей.

Серж мог представить себя в постели с Савской, но не мог заставить себя не морщиться от мысли о том, что она будет

дарить ему подарки. Это было для него унизительно, хотя от Милки, например, он подарки принимал совершенно спокойно, даже когда она делала их без всякого к тому повода, просто потому, что получила гонорар за выступление или премию в театре. Беда только в том, что Милочка любила дарить ему вещи, в которых ровным счетом ничего, как считал Серж, не смыслила, – мужскую парфюмерию, например.

Но с ней его отношения строились совсем по-другому. Она, в сущности, была такой же нищей, как и он, поэтому Сержа нисколько не раздражали ее знаки внимания. Он понимал, что это всего лишь выражение ее любви. От Дианы Савской, размеров капитала которой никто точно не знал, но слухи по Москве ходили самые невероятные, он никакого подарка не смог бы принять, он просто швырнул бы его обратно. Серж уже настолько был уверен, что столкнется с этой проблемой, что принялся серьезно ее прокручивать в своей голове...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.